

РЕЛИГИЯ И САМОСОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

И. И. Морозова

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1/2,
220072, г. Минск, Беларусь, inesmorozova@bk.ru*

В статье рассматривается роль религии в структуре самосознания личности в современных условиях, принимая во внимание тот факт, что одной из функций религии выступает способность регулирования и ориентации как внешних поведенческих моделей, так и внутреннего мира человека. Являясь достаточно сложным феноменом, религия занимает существенное место в многоуровневой структуре самосознания личности, определяя серьезные трансформации самоактуализации человека, которые затрагивают сферу личной нравственности субъекта, способствуя укреплению традиционных ценностей и норм. В статье подчеркивается мысль о том, что религиозная сфера самосознания личности обуславливает более высокую степень развития ее духовного мира, позволяя наиболее адекватно выстраивать позитивную субъективную экзистенциальную перспективу бытия.

Ключевые слова: религия; христианство; самосознание; личность; духовность; писатель.

RELIGION AND SELF-CONSCIOUSNESS OF THE MODERN PERSONALITY

I. I. Morozova

*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova str., 1/2,
220072, Minsk, Belarus, inesmorozova@bk.ru*

The article examines the role of religion in the structure of self-awareness of the individual in modern conditions, taking into account the fact that one of the functions of religion is the ability to regulate and orient both external behavioral models and the inner world of a person. Being a rather complex phenomenon, religion occupies a significant place in the multi-level structure of self-awareness of the individual, determining serious transformations of self-actualization of a person, which affect the sphere of personal morality of the subject, contributing to the strengthening of traditional values and norms. The article emphasizes the idea that the religious sphere of self-awareness of an individual determines a higher degree of development of his spiritual world, allowing the most adequate construction of a positive subjective existential perspective of being.

Keywords: religion; Christianity; self-awareness; personality; spirituality; writer.

Религия — это одно из самых сложных общественных явлений, которое на современном этапе развития социума является существенным и активным компонентом происходящих мировых процессов. Христиан-

ство предложило новую шкалу ценностей, категорически осудив насилие, жестокость. Оно выдвинуло идею равенства всех людей, представление о нравственной личности, о совести и внутренней свободе, выразив все это в мистифицированной форме. Как утверждал А. Мень, под словом «„религия“» следует понимать те психологические, культурные, социальные формы веры, в которые она отливается, а можно даже сказать, что религия в таком определении есть феномен в значительной степени земной, человеческий» [6].

Специфика религии, ее социальная функция общеизвестна — суть религии заключается в том, что она «удваивает» реальность, наряду с действительным миром признает мир сверхъестественный, божественный. Являясь достаточно сложным феноменом, религия занимает существенное место в многоуровневой структуре самосознания личности, определяя серьезные трансформации самоактуализации человека. Самосознание личности в психологической науке идентифицируется с «Я-концепцией», понимаемой как совокупность всех представлений индивида о себе, различных убеждений, оценок и тенденций поведенческих моделей. Стадии формирования самосознания с точки зрения психологии определяются стадиями развития человека: детский возраст, юношеские годы, пора зрелости. Процесс перехода от одной стадии к другой связан с качественно новыми субъективными представлениями о себе, существенными трансформациями самосознания личности.

Самосознание религиозной личности имеет свои существенные особенности, связанные в первую очередь с тем, что образы «Я» верующего формируются в результате индивидуализации обобщенных, религиозных образов человека, которая осуществляется в процессах религиозной социализации и формирования опыта религиозных переживаний [4, с. 7].

Религиозность — это совокупность когнитивных, эмоционально-чувственных, мотивационных и деятельностных отношений человека или группы людей к силам, относимым к сфере сакрального (трансцендентного) и обладающим волевой способностью определенным образом влиять на человека и окружающий его мир [4, с. 8].

В исследовательской практике представлен анализ содержательного наполнения структурных звеньев самосознания религиозной личности в рамках феноменологического подхода, где самосознание рассматривается как психическая структура личности, представляющая единство системы пяти звеньев: 1) имя, телесный образ и духовный образ «Я»; 2) притязание на признание; 3) половая идентификация; 4) психологическое время; 5) социально-нормативное пространство (права и обязанности) [1, с. 326].

Содержательное наполнение основных пяти структурных звеньев самосознания религиозной личности отражается в следующем. Первое звено структуры самосознания — *имя, духовный образ «Я» и телесный образ «Я»*. Верующие не считают себя окончательно сформированными личностями, так как в их понимании человек формируется и кристаллизуется в Боге, вера в Бога помогает им раскрыться как личность, помогает обрести свою уникальность и проявить свой потенциал развития [3, с. 327]. Интересна в этом отношении точка зрения М. К. Мамардашвили, который утверждал, что «Предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье — это символ, соотносено с которым человек исполняется в качестве человека... Человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. И вот эта его непрерывная создаваемость и задана для него в зеркальном отображении самого себя символом „образа и подобия Божьего“» [5, с. 9]. Фактически, М. Мамардашвили продолжает теоретические построения Н. Бердяева, о чем красноречиво свидетельствуют следующие утверждения: «Моя личность не есть готовая реальность, я созидаю свою личность, созидаю ее и тогда, когда познаю себя» [2, с. 315]. Соиздание и формирование личности, согласно Бердяеву, предполагает качественное изменение, иначе нет процесса ее развития, и главное заключается в том, что «личности нет без изменения, но личности нет и без неизменности, верного себе субъекта изменения. И вся задача в том, чтобы изменение не было изменой, чтобы в нем личность оставалась верной себе» [2, с. 327].

Кроме этого, верующие выражают как позитивное, так и негативное отношение к своему духовному «Я», поскольку религиозный (православный) человек ощущает себя одновременно как Божьим чадом, так и рабом Божьим. Эту двойственность в отношении к человеку в христианстве отмечал Н. Бердяев, указывая на человека как существо падшее и греховное, не способное собственными силами подняться, поскольку свобода его ослаблена и искажена. «Но с другой стороны, человек есть образ и подобие Божье, вершина творения, он призван к царствованию, Сын Божий стал человеком, и в Нем есть предвечная человечность» [2, с. 178].

Современные исследователи подтверждают стремление верующих именовать себя «личностью, созданной по образу Бога», «личностью, задуманной Богом»; наблюдается глубокая рефлексия на духовный образ «Я», критическое отношение к недостаткам характера, выражается стремление достичь идеального образа «Я» в духовном отношении путем веры в Бога, путем покаяния в своих грехах и их искуплении, путем мо-

литвы и упования на волю Божью, для религиозной личности центральным остается духовный образ «Я», нежели физический [1, с. 327]. Фактически, можно утверждать о наличии такого структурного элемента самосознания, как «Я-реальное» (актуальное Я), которое возникает как первичная идентичность личности, складывающаяся в повседневных взаимодействиях верующего с другими людьми. «Я-реальное» складывается «как результат более-менее полного осознания своих действий, поступков и восприятия себя со стороны других людей. Этот структурный элемент самосознания верующего есть воплощение или символизация стереотипов поведения, повседневных действий, поступков, мыслей, переживаний, чувств» [4, с. 10].

Второе звено структуры самосознания — *притязание на признание*. Религиозные личности притязают на признание как уникальной личности, на признание со стороны социума, но при этом у нерелигиозных представителей общества данные звенья выражены ярче, чем у религиозной личности. Отличительной чертой религиозной личности является притязание на признание со стороны Бога [1, с. 112]. В данном случае представлено «Я-социальное» — один из четырех структурных элементов самосознания личности.

Третье звено структуры самосознания — *половая идентификация*. Здесь, по мнению исследователей, не прослеживается тенденция идентификации себя с определенным полом и гендерными характеристиками, что связано с особенностью религиозного самосознания: религиозная личность идентифицирует себя с идеальным образом «Я», который представлен в категориях Бог, Христос. Идентификация с обозначенным образом «Я» происходит через соотношение собственных психологических и поведенческих особенностей со спецификой проявления религиозных личностей, так как считают, что созданы по подобию Божьему [1, с. 328]. В данном случае представлено «Я-идеальное» — это представления верующего о том типе личности, каким он должен быть, исходя из усвоенных моральных норм, идентификаций и образцов. «Я-идеальное» верующего формируется на основе позитивно ориентирующих религиозных образов человека, связанных с надеждой, верой, добрыми делами, духовным подвижничеством, спасением и т.п. [4, с. 12].

Четвертое звено структуры самосознания — *психологическое время личности*. Религиозная личность отражает в данном случае глубокую рефлекссию на свой жизненный путь, обозначив более значимым настоящее время как ценность их жизненного пути. Настоящее время окрашено смыслами, радостью и благодарностью, которое принесла им вера в Бога, которую расценивают как «живую встречу и общение с Богом во Христе Иисусе», и которую А. Мень определял встречей «двух миров, двух из-

мерений, она является центром, ядром, средоточием духовной жизни человека, которая соприкасается с Высшим» [6]. Прошлая жизнь оценивается с точки зрения переосмысления жизненного пути и носит негативный характер, при этом отмечается, что вера качественно изменила и наполнила жизнь иными смыслами, сформировала личностные качества. Здесь наблюдается сочетание «Я-реального» и «Я-негативного», которое не носит противоречивый характер, а отражает критическое переосмысление субъектом собственного жизненного опыта.

Пятое звено структуры самосознания — *социально-нормативное пространство личности (права и обязанности)*. Верующие выражают принятие и следование законодательной власти, но центральным нормативным институтом для них является Бог и Евангелие как образец поведения и законодательный регламент, где центральным регулятором является понятие «грех». «Положительное принятие прав других людей у религиозной личности может быть обусловлено религиозной догматикой, где ценность свободы выбора каждой личности имеет особое значение» [1, с. 328]. Здесь представлено сочетание «Я-реального» и «Я-социального», отражающее сферу личной нравственности субъекта, которая коррелирует с постулатами религиозной этики, не нарушая при этом принципов социальной этики, что, в свою очередь, способствует консолидации общества. В данном аспекте Я-концепция выступает в качестве механизма, служащего для регулирования поведенческих моделей личности в социальной среде, и необходимого элемента социального действия.

Следует также подчеркнуть, что Я-концепция религиозной личности является составным элементом личностной смысловой регуляции ее жизнедеятельности, поскольку находится в тесной взаимосвязи с системой религиозных ценностей, символов, смыслов и значений, которые интериоризируясь личностью, формируют ее систему мотивов, потребностей и образов «Я» [4, с. 12]. Современные религиозные представления далеко не всегда возникают как результат непосредственного воздействия церковной проповеди. Формирующееся религиозное мировоззрение вбирает широкий спектр философских, художественных, этических идей, выступая в качестве своеобразного восполнителя бездуховности. Исследователи неоднократно утверждали, что вера в Бога по-своему снимает у человека чувство бесприютности, потерянности в мире. Религиозная сфера самосознания личности обуславливает более высокую степень развития ее духовного мира, способствуя обретению собственного «я», снимая чувство отчуждения, социальной изоляции, позволяя наиболее адекватно выстраивать позитивную субъективную экзистенциальную перспективу бытия.

Весьма важным представляется тот факт, что в современных условиях развития социума, при навязчивом вторжении во внутренний мир человека со стороны так называемых мировых тенденций, связанных с грубым отрицанием привычных норм и традиций, религиозные представления способствуют сохранению и защите моральных ценностей на бытовом уровне, так как противопоставляются аморализму и безнравственности тех навязываемых установок и принципов, которые в сознании верующих прочно ассоциируются с безбожием и миром греха.

Митрополит Филарет придавал огромное значение духовности, полагая, что «„Человек духовный“ является внутренне ориентированной личностью. Это значит, что он обладает способностью противостоять давлению среды, навязываемым ему извне правилам поведения. Но делает это не из страха перед наказанием, а потому что они не соответствуют его убеждениям, принимаемым нормам нравственности ... „Человек духовный“ не против рационального знания, но он чувствует его недостаточность. Он признает значимость социальных и экономических проблем, но видит в них не цель, а средство» [7, с. 44]. С точки зрения Митрополита, Церковь способна повлиять на процесс формирования именно такого человека, будь то мужчина или женщина, последовательно и настойчиво предлагая правильные, истинные ориентиры, а также являя для него реальные источники духовной силы [7, с. 44].

Такая убежденность Митрополита Филарета обусловлена тем, что религиозные заповеди постулируются как всеобщие категории, как истина бытия каждого индивида, образуя духовное тождество людей, своеобразную духовную связь, формируя понятия, характерные для структуры религиозного самосознания. Религия становится тем духовным механизмом, с помощью которого формирующееся сознание и идеи личного самосознания приводятся к общему знаменателю. В зависимости от того, как определяются авторитетные постулаты религии, складывается и содержательная структура социального самосознания.

В мировой исследовательской практике идеалистической философии и богословия неоднократно отмечалось, что в сфере религии чувства играют весьма важную роль, и всякому человеку присуще своеобразное врожденное религиозное чувство, особое метафизическое стремление и тяготение к Богу, приобщение к которому и приобщение к религии понималось как акт мистического озарения, в основе которого и находится религиозное чувство. Это чувство отличается своей уникальностью от всех иных эмоциональных процессов, которые испытывает человек, а также по существу своему рациональной непостижимостью, поскольку источник религиозного чувства связан с образом Бога.

Эмоции верующего человека, взаимодействуя с религиозными представлениями, приобретают особую своеобразную специфику, поскольку объектом религиозных чувств являются Бог, Христос, дух и т.д., что, в свою очередь, приносит верующим определенное эмоционально-психологическое облегчение, помогает преодолевать экзистенциальные проблемы, обретая психологическую устойчивость к внешним негативным проявлениям (то есть реализуется компенсаторная функция).

Необходимо отметить, что главной и наиболее драматической проблемой самосознания личности является именно проблема зрелого человека, когда даже успешное существование в мире может трактоваться как кризисное состояние. Возрастные кризисы зрелых периодов жизни человека протекают, как правило, более скрыто, без выраженных изменений в поведении. Происходящие в это время процессы перестройки смысловых структур сознания и переориентации на новые жизненные задачи, ведущие к смене характера деятельности и взаимоотношений, оказывают глубокое влияние на дальнейший ход развития личности. Можно уверенно говорить о существенном влиянии религиозного самосознания на личность, примеров здесь немало, достаточно вспомнить имена Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, К. Н. Леонтьева, которые, пройдя через серьезные кризисные состояния, вступили на религиозный путь.

Так, Ф. М. Достоевский в 1849 году был приговорен военным судом к казни по политическим мотивам. Это был драматический момент в жизни русского писателя, когда в возрасте 28-ми лет он стоял зимой на Семеновском плацу вместе с другими участниками кружка Петрашевского в ожидании казни, в последние минуты замененной каторжными работами в Омском остроге. Ф. М. Достоевский пережил ужасные мгновения, как он сам зафиксировал позже: «вот сейчас душа из тебя вылетит, и что человеком уже больше не будешь... и сильнее этой муки нет на свете». Эти события подтолкнули писателя к еще более глубокому пониманию религиозной веры (Достоевский с детства формировался в атмосфере православной традиции, но доминантой самосознания эти принципы в молодости не являлись), при этом он всю жизнь «мучился Богом», представив философско-религиозные метания между теодицеей и антроподицеей, пройдя через метафизический кризис, отстаивая принципы православного христианства, в основе которого определял мотив любви.

У Л. Н. Толстого история обретения веры была не менее трагической, поскольку, достигнув в зрелом возрасте творческого и личного успеха, будучи абсолютно счастливым человеком, он испытал мучительное чувство опустошения, смыслоутраты и невероятного желания покончить жизнь самоубийством. «И мы знаем из собственной жизни и из

художественной литературы, что, когда у людей угасало в подсознании чувство связи со смыслом, они просто приходили к самоубийству. Потому что жизнь теряла для них всякое основание» [6]. Поиски религиозной веры привели писателя к обретению смысла жизни и понимания ее ценности для человека, но Л. Н. Толстой предложил миру субъективную формулу понимания православного христианства. Составляющие этой формулы направлены у Л. Н. Толстого против Церкви и ее догматов, а сущностью религиозного учения он признавал только нравственный аспект евангельской проповеди Христа. Для него привлекательна только религиозная этика, все остальное в православии для писателя было не актуально. Безусловно, религиозное учение морального позитивизма Л. Н. Толстого было решительно отвергнуто православием, и он был отлучен от церкви, но создал потрясающее по силе духовно-нравственного воздействия на читателя творческое наследие мировой художественной классики.

Религиозный ортодокс К. Н. Леонтьев суть православия усматривал в аскетико-монашеском и строго церковном христианстве, в основе которого определял не мотив любви (традиционно представленный в богословских и религиозных трудах), а мотив страха и идею «трансцендентного эгоизма» (личного спасения). Определяя доминирующим мотив страха, К. Н. Леонтьев исходил из личного опыта прихода к православной вере, связанного с драматической ситуацией в его судьбе, когда, страшась неминуемой смерти от внезапной тяжелой болезни, он обращается к Богородице сохранить ему жизнь, и дает клятву постричься в монахи. «Только личный духовный опыт как субъективное переживание некоего откровения способен служить основанием для выбора той или иной разновидности веры или неверия. Верующий соотносит свое внутреннее состояние с внешним поведением, поэтому его вера по-своему реальна» [11, с. 258]. И К. Н. Леонтьев вступит на монашеский путь спустя десятилетия после экзистенциального кризиса, но время обретения этой стези находилось в постоянном осмыслении религиозности.

А вот у Н. А. Бердяева не наблюдалось серьезного экзистенциального кризиса, который мог привести к смыслоутрате и желанию суицидального исхода. Его религиозное самосознание имело иные очертания. Как утверждал сам философ, религиозная тема была для него преобладающей и мучила его всю жизнь, поскольку в центре его религиозного интереса всегда стояла проблема теодицеи, как и у Ф. М. Достоевского. Поэтому он искренне признавал, что «не только оставался непреодоленным трагический элемент, но трагическое я переживал как религиозный феномен по преимуществу» [2, с. 169]. Религиозный тип Н. А. Бердяева определялся как духовно-внутренний и свободный, именно это в некото-

рой степени актуализировало в нем переживание кризисного состояния личности и социума, конфликта между индивидуальным и общим, продолжающегося всю жизнь, так как он всегда оставался на позициях персонализма: «Я всегда был персоналистом по своей религиозной метафизике. И потому проблема индивидуальной судьбы в вечности была для меня первее всех проблем» [2, с. 185].

Именно личный духовный опыт утверждает выдающихся мыслителей в постулировании религиозных принципов, которые трактовались ими истинно православными (за исключением Н. А. Бердяева, подчеркивавшего отсутствие у него сугубо традиционной религиозности), а осознание проблемы своего бытия как проблемы выбора истинного пути жизни связано у них с переходом в качественно новое духовное состояние — достижение духовной зрелости. Но следует учитывать тот факт, что каждый из них по-разному вступил на религиозный путь, и каждый находил в христианстве лишь то, что наиболее соответствовало их духовным устремлениям, будучи уверенными в том, что проповедуют истинное православие. В данном случае вполне уместна мысль С. Н. Булгакова о том, что «христианство многократно и многообразно, и в известных пределах оно дает простор и личным оттенкам, даже их предполагает» [3, с. 556], о чем убедительно свидетельствуют религиозные постижения мыслителей прошлых веков, чьи диаметрально противоположные позиции расценят как постановку основного вопроса, «которым тогда и тревожилась русская совесть. Это был вопрос о религиозном действии... как мне жить свято...» [9, с. 308]. Каждый из них предложил миру свой вариант ответа на столь глобальный вопрос, пройдя при этом через глубокие экзистенциальные кризисы.

Духовный опыт этих выдающихся личностей подтверждает мысль о том, что «Религиозная жизнь всегда личная, и личная она именно в своем углублении... Это создает разные душевные типы религиозности даже при сходстве религиозных идей... Понимание христианского откровения зависит от структуры сознания, которое может быть шире и уже, глубже и поверхностнее» [2, с. 172]. Этой мысли Н. Бердяева вторит и В. Франкл, полагая, что «мы движемся не к универсальной, а к личной, глубочайшим образом персонализированной религиозности, с помощью которой каждый сможет общаться с богом на своем собственном, личном, интимном языке» [10, с. 336].

Религиозное самосознание, безусловно, очень сложный феномен, достаточно зыбкий, особенно у представителей молодого поколения. М. В. Федорова, рассматривая проблему трансформации религиозных ценностей в современной молодежной культуре, обратила внимание на факт неприятия системы традиционных ценностей многими молодежными субкультурами, которое часто приводит к негативному отношению и к традиционным религиям. В ряде субкультур происходит продуциро-

вание собственных ценностей, оформление своеобразной ритуальной практики, обретающей характер активного мифотворчества. «Одной из черт некоторых субкультур становится претензия на переживание некоего духовного опыта, несвязанного с опытом традиционных религий. Многие молодежные субкультуры имеют ярко выраженную <...> религиозноподобную направленность» [8, с. 49].

Такая реализация субъективной свободы может иметь весьма негативные последствия как личного, так и социального характера. Нужно иметь в виду, что в субъективной свободе человека может заключаться возможность подмены реальных жизненных целей мнимыми. Характерна в этом отношении та печать, которая накладывается на человека религиозным фанатизмом. Любой фанатизм связан с непоколебимой и отвергающей альтернативы приверженностью индивида определенным убеждениям, которая находит выражение в его деятельности и общении.

Фанатизм сопряжен с готовностью к жертвам, а преданность идее сочетается с нетерпимостью к инакомыслящим, пренебрежением к этическим нормам, препятствующим достижению общей цели. Для фанатиков (в том числе и религиозных) характерны повышенная эмоциональность, некритическое отношение к любой информации, подтверждающей их взгляды, неприятие критики, даже доброжелательной. Поэтому необходимо не допускать проявлений религиозного фанатизма, граничащего с интеллектуальным примитивизмом и дилетантизмом, приводящих к утрате константных ориентаций и к серьезным социально-нравственным абберациям субъекта, нарушая межличностное взаимодействие и вызывая межконфессиональные противоречия, принимая во внимание наличие в стране религиозной толерантности, являющейся важной составляющей гуманитарной безопасности.

В заключение хотелось бы напомнить очень важные и пронизательные слова Н. А. Бердяева, заключающие в себе глубокий интенциональный метафизический смысл: «Бог не понят человеком, Бог ждет от человека дерзновенного творческого ответа. Но этим налагается на человека безмерно большая ответственность и тяжесть, чем обычное требование победы над грехами. Предельное дерзновение в том, что от человека зависит не только человеческая судьба, но и божественная судьба» [2, с. 206].

Библиографические ссылки

1. *Белая А. К., Чурилова Е. Е.* Особенности самосознания религиозной личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1(34). С. 326–330.
2. *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991.

3. *Булгаков С. Н.* Победитель — Побежденный: судьба К. Н. Леонтьева // Сочинения: В 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2.
4. *Крюков Д. С.* Философско-религиоведческий анализ Я-концепции религиозной личности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008.
5. *Мамардашвили М. К.* Философская беседа // Юность. 1988. № 12.
6. *Мень А.* Почему нам трудно поверить в Бога? Беседа за круглым столом [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/men_aleksandr/pochemu_nam_trudno_poverit_v_boga.html#0 (дата обращения: 12.12.2023).
7. *Нефедов В. В.* Беседы с митрополитом Филаретом. Минск : Польша, 1992.
8. *Федорова М. В.* Трансформация религиозных ценностей в современной молодежной культуре // Международный научный журнал «Инновационная наука». №10. 2015. С. 49–54.
9. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия / Репринт. воспроизв. изд.: Париж, 1937; Париж : YMCA Press, 1983. Киев, 1991.
10. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990.
11. *Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии.* М. : Альфа-М, 2010.